

0721743-1

На правах рукописи

Живаева Лада Николаевна

**ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ АНАФОНИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Н.В. ГОГОЛЯ,
А. БЕЛОГО И М. ГОРЬКОГО)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Москва
2001**

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского

Научный руководитель:
доктор филологических наук
профессор А.В. Пузырев

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук профессор Монина Т.С.
кандидат филологических наук Халикова Н.В.

Ведущая организация – Арзамасский педагогический институт

Защита состоится "10" мая 2001 г. в 15 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.155.02
по русскому языку, теории и методике обучения русскому
языку при Московском педагогическом университете
по адресу: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
педагогического университета (107005, г. Москва, ул. Радио, д. 10 а).

Автореферат разослан "2" апреля 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

М.Ф. Тузова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000019054

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена исследованию анафонии и функционированию анафонических структур в художественной прозе как средства характеристики идиолекта/идиостиля конкретных языковых личностей.

Проблема личностного начала в структуре художественного текста остается исключительно актуальной в современной лингвистике, о чем свидетельствуют работы, посвященные изучению языка текста и его особенностей (М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, А.И. Горшков, Г.А. Золотова, А.Н. Кожин, В.В. Одинцов, Г.Я. Солганик и др.).

В ряду других текстовых явлений анафония, на наш взгляд, занимает особое место, так как служит важным средством формальной и содержательной организации текста, создавая его смысловую цельность и способствуя его когерентности.

В общетеоретическом плане явление анафонии (анаграмм) было предметом исследования ряда известных отечественных и зарубежных лингвистов (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Ж. Старобинский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Т.М. Николаева, В.С. Баевский, А.Д. Кошелев, А.В. Пузырев и др.). Однако конкретные идиолекты в аспекте анафонии еще недостаточно изучены, что сдерживает создание общей типологии анафонии и роли звукописи в творчестве языковой личности.

Все это определяет актуальность темы реферируемой работы, в которой исследуются идиостилевые аспекты анафонии в творчестве конкретных писателей: Н.В. Гоголя, А. Белого и М. Горького.

Цель исследования: последовательное разграничение – на конкретном речевом материале – идиолектных и идиостилевых характеристик такого явления художественной прозы, как анафония.

Данная цель определяет необходимость решения следующих задач:

- 1) проанализировать работы, посвященные изучению анафонии в художественной речи;
- 2) рассмотреть предпосылки анафонии на уровне мышления и языка;
- 3) разграничить понятие идиолекта и идиостиля на уровне языковой личности;
- 4) сопоставить взгляды Н.В. Гоголя, А. Белого и М. Горького на звуковую сторону поэтической речи;
- 5) провести лингвостатистическое исследование анафонических структур в художественной прозе названных писателей;
- 6) составить анафонические “портреты” Н.В. Гоголя, А. Белого и М. Горького.

Объектом исследования послужили звуковые ассоциаты к опорным словам, извлеченные методом сплошной выборки из прозаических произведений трех крупнейших русских писателей – Н.В. Гоголя, А. Белого, М. Горького.

Предметом исследования являются структурные и функциональные свойства звуковых ассоциатов.

В качестве материала исследования использованы произведения Н.В. Гоголя (сборники “Вечера на хуторе близ Диканьки”, “Миргород”; петербургские повести; поэма “Мертвые души”), А. Белого (роман “Петербург”, “Серебряный голубь”) и М. Горького (повесть “Фома Гордеев”, роман “Жизнь Клима Самгина”), в которых выделены звуковые ассоциаты к опорным словам (всего около 10 тысяч ассоциатов).

Выбор прозы этих авторов обусловлен следующими моментами.

Во-первых, каждый из названных писателей внес значительный (этапный) вклад в развитие русской прозы. Так, Н.В. Гоголь многими филологами признается родоначальником русской прозы; М. Горький – основоположник так называемого соцреализма (при всей спорности существования данного метода, выдающаяся роль Горького в становлении литературы советского периода почти никем не подвергается сомнению); А. Белый является признанным теоретиком символизма, что нашло цельное воплощение в его творчестве.

Во-вторых, это не только языковые, но и ярко выраженные мета-языковые личности, которые интересовались или специально занимались (А. Белый) вопросами звуковой организации текста. Причем к звукописи в прозе у А. Белого и М. Горького были принципиально разные подходы: от признания звука организующим началом любого художественного текста (у Белого) до нетерпимости к заметной, навязчивой звукописи в прозе (у Горького). Взгляды Гоголя на звуковую сторону художественной речи были вполне традиционными, без излишнего акцентирования этого момента.

В-третьих, известно пристальное внимание А. Белого к творчеству Н.В. Гоголя, учеником которого, в частности в области звукописи, он себя считал. Важно отметить и неоднозначное отношение А. Белого и М. Горького друг к другу, иными словами, данные писатели связаны друг с другом взаимоотношениями не только объективного, но и личностного характера.

В-четвертых, не перекладываясь на вопросы влияния литературного направления и концентрируя внимание именно на вопросах идиолекта и идиостиля, отметим, что принадлежность Н.В. Гоголя, А. Белого и

М. Горького к разным литературным направлениям (от классического в лице Н.В. Гоголя и М. Горького – до орнаменталистского в лице А. Белого) является одним из серьезных оснований выбора именно этих языковых личностей и повышает степень объективности предпринятого исследования.

Методы исследования. В работе используются различные методы и приемы анализа языковых единиц: лингвостатистический метод, метод наблюдения над языковыми фактами, описательный метод, метод компонентного анализа.

Научная новизна диссертации заключается в том, что 1) выявляются, последовательно разграничиваются и анализируются идиолектные и идиостилевые параметры анафонии в художественной прозе; 2) определяются особенности идиостилей Н.В. Гоголя, А. Белого и М. Горького на анафоническом уровне.

Теоретическая значимость работы заключается в анализе малоизученных аспектов функционирования анафонии в различных идиолектах. Результаты исследования расширяют имеющееся представление об идиостилевых аспектах анафонии.

Практическое значение диссертации состоит в том, что материал исследования может быть использован в вузовских и школьных курсах по стилистике, филологическому анализу художественного текста, при разработке спецкурсов и спецсеминаров по вопросам языка художественной литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Анафония является атрибутом художественной прозы Н.В. Гоголя, А. Белого, М. Горького.
2. Внутри анафонических структур в художественной прозе последовательно различаются идиолектные и идиостилевые параметры, основанием для чего является теоретическое разграничение относительно и абсолютно специфических единиц художественного текста.
3. К идиолектным параметрам анафонии относятся следующие: степень анафоничности (“озвученности”) прозы, морфологические и синтаксические характеристики анафонических структур, функционирование “звуковых гнезд” в различных идиолектах;

4. В качестве идиостиловых параметров анафонии выделяются ассоциативные доминанты к опорным словам, обозначающим главных персонажей.

Апробация исследования. Результаты исследования изложены в докладах, прочитанных на совещании "Художественный текст. Проблемы изучения" (Пенза, май 1990 г.), на Всероссийской научной конференции "Общество, язык, личность" (Пенза, октябрь 1996 г.), на заседаниях Всероссийской Школы молодых лингвистов (Пенза, март 1997, 1998, 1999, 2000 гг.), на Международной научной конференции "Предложение и слово" (Саратов, сентябрь 1999 г.).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе две статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из предисловия введения, двух глав, заключения, библиографии источников и использованной литературы, а также одиннадцати приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В предисловии обосновывается актуальность и научная новизна темы диссертации, формулируются цели, задачи исследования, определяются методы исследования, теоретическая и практическая значимость работы, кратко характеризуется материал и предмет исследования.

Во введении излагается краткая история изучения анафонии, приводятся дефиниции используемых терминов, формулируются предпосылки анафонии на уровне мышления и языка, определяются речевые параметры анафонии, обосновывается конкретная методика исследования.

Научный подход к изучению анаграмм в лингвистике XX века связан, в первую очередь, с именем Фердинанда де Соссюра. Он видел в анаграммах ведущий принцип построения текстов на индоевропейских языках. Все способы организации стиха Соссюр рассматривал как результат стремления связать стихотворную лексику с фоникой словатемы. Явление анаграмм Соссюр находил и в глгозе.

Следует иметь в виду, что анаграмматические идеи появились в России в начале XX века независимо от швейцарского лингвиста. К

примеру, М.Л. Гаспаров считает, что А. Белый самостоятельно сделал открытие в области анаграмм: "Наблюдения Белого над повторяющимися аллитерациями у Блока и других поэтов ("т-р-с" как знак "трагедии трезвости") привели его к самостоятельному открытию анаграмматического построения текста – тому открытию, которое 30 лет назад было извлечено из архива Соссюра, после чего увлечение анаграммами стало на некоторое время общей филологической модой" (М.Л. Гаспаров 1988: 450). А В.С. Баевский называет Вяч. Иванова первым, кто исследовал "явление анаграмм одновременно с де Соссюром под названием "звукообразов" (В.С. Баевский 1976: 48). По мнению А.В. Пузырева, понятие *звукообраза* в толковании, близком к соссюровскому, впервые использовал Д.И. Выгодский в статье "Из эвфонических наблюдений" (Бахчисарайский фонтан" (1922 г.). В своей статье Д.И. Выгодский, в частности, писал: "Основным тезисом настоящих выводов о структуре "Бахчисарайского фонтана" Пушкина мы хотим выдвинуть тезис *звукообраза*. Под последним мы разумеем определенный комплекс звуков, который, заполняя в данный момент сознание поэта, заставляет его подбирать в произведении звуки, тождественные или аналогичные имеющимся в основном комплексе" (Д.И. Выгодский 1922: 51). Важно отметить, что Д.И. Выгодский исходил из объективно представленных в тексте слов, и такой подход характерен для российских филологов начала века. Понятие *звукообраз* использовал в своей статье Вяч. Иванов (Вяч. Иванов 1930), а также А. Белый в монографии "Мастерство Гоголя" (А. Белый 1934).

В современной российской лингвистике продолжается активное изучение анаграмм (В.Н. Топоров 1981, 1987, Вяч.Вс. Иванов 1967, 1977, 1981, 1982, В.С. Баевский 1976, В.С. Баевский, А.Д. Кошелев 1975, 1979, 1977, Е.Н. Котляр 1981, Т.М. Николаева 2000, З.А. Тураева, Г.В. Расторгуева 1980, Р.Д. Тименчик 1972, Р.О. Якобсон 1987 и др.). Под анаграммой эти исследователи понимают зашифрованное в тексте слово (не обязательно сознательно). Читатель при восприятии анаграммы выступает как "дешифровщик криптограмматического уровня текста" (В.Н. Топоров 1987: 193). Анаграмма представляется исследователям свернутым текстом, "конденсацией основного текста" (З.А. Тураева, Г.В. Расторгуева 1980: 112).

В настоящее время появляются новые переводы, новые работы, связанные с анаграмматическими идеями Ф. де Соссюра (Проблемы фоносемантики 1989; Художественный текст... 1990; Фоносемантические исследования 1990; Фоносемантика и прагматика 1993; Проблемы изучения анаграмм 1995; Актуальные проблемы психологии, этнопсихоллингвистики и фоносемантики 1999; Г.В. Векшин 1988; Е.У. Шадри-

на 1989; Н.А. Любимова, Н.П. Пинежанинова, Е.Г. Сомова 1996, Л.Н. Кучерова 1996; В.А. Лукин 1999 и др.). Скептицизм по отношению к анаграмматическим исследованиям сменяется поиском закономерностей и критериев определения анаграмм.

Перспективным представляется такой подход к явлению анаграмм, который ограничивает произвольность выделения анаграммы в тексте и интегрирует идеи Ф. де Соссюра и отечественных ученых начала века. Этот подход реализован в работах А.В. Пузырева, в частности в монографии "Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления" (1995). Используя методологию системного осмысления предмета, предложенную российским философом А.А. Гагаевым, ученый представляет анафонию (анаграммы) "как явление языка, развивающееся на собственной основе и проходящее в своем развитии через четыре ступени своей сущности (уровни мышления, языка, речи и коммуникации) и пять целевых подсистем, которым соответствуют генетический, логический, психолингвистический (а также психологический, статистический, функциональный и идиолектный аспекты)" (А.В. Пузырев 1995, 7). Под анафонией ученым понимаются звуковые повторы, направленные на слово-тему. Тематическое слово может быть материально выраженным (значительно чаще) или нулевым. Если слово-тема является нулевым, то звуковые повторы, воспроизводящие звучание этого слова, представляют собой криптограмму. Такая возможность изучения анаграмм намечена самим Ф. де Соссюром в определении анаграммы как "звукописи, направленной на определенное имя и стремящейся воспроизвести это имя" (Ф. де Соссюр 1977: 642).

Основными предпосылками анафонии на уровне мышления выступают: функциональная асимметрия мозга, объем оперативной памяти, особенности протекания раздражительного и тормозного процессов, синестезия, доминанта А.А. Ухтомского и "ловушки возбуждения" Р. Лоренто де Но; различные виды мышления, установка, сознательное/бессознательное психическое, персеверации как психологический коррелят анафонии.

Языковой предпосылкой анафонии является существующая в языковом сознании носителей языка ассоциативно-звуковая парадигма, которая представляет собой часть ассоциативно-вербальной сети русского языка. Существование ассоциативно-звуковой парадигмы языка обеспечивает изоморфизм между планом содержания и планом выражения языкового знака.

Исследование анафонии на конкретном речевом материале проводилось по методике, основанной на приоритете смысловых аспектов над звуковыми (А.В. Пузырев). Эта методика исходит из объективно

представленных в тексте опорных слов и предполагает регистрацию звуковых повторов, окружающих данное опорное слово, чаще всего имя собственное.

Считаем, что в основе построения анаграммы лежат акустические, а не визуальные впечатления, то есть повтор именно звуков, а не графических знаков (З.Я. Тураева, Г.В. Расторгуева 1980: 112).

Звуковые повторы выделялись на следующих основаниях: при совпадении в опорном слове и ассоциате (созвучном слове) дифона (с ударным гласным) ассоциат должен находиться на расстоянии, не превышающем 20 слогов, при совпадении в указанных словах полифонов (с ударным или безударным гласным) такое расстояние повышалось до 40 слогов. Пределы поиска ассоциатов обусловлены, во-первых, данными о частотности звуков в русском языке (на таком расстоянии повторяющиеся звуковые группы воспринимаются как превышающие речевую норму), во-вторых, пределом оперативной человеческой памяти (расстояние от опорного слова до ассоциата обычно не превышает 7 ± 2 слова); такая закономерность открыта В.М. Вундтом и Дж. Миллером.

Наше исследование в существенной своей части опирается на основные теоретические положения концепции анафонии и является одной из первых попыток применить эту теорию для исследования конкретных прозаических идиолектов (Н.В. Гоголя, А. Белого, М. Горького), а также для выявления идиолектных и идиостилевых параметров анафонии.

В первой главе “Функционирование анафонии в идиолектах Н.В. Гоголя, А. Белого, М. Горького” рассматриваются понятия “языковая личность”, “метаязыковая личность”, “идиолект”, “идиостиль”; основное внимание концентрируется на относительно специфических характеристиках анафонии.

Проблема исследования идиолекта и идиостиля, разграничение этих понятий – одна из сложнейших в современной лингвистике. Общеизвестно, что эта проблема принадлежит к числу актуальных и широко дискутируемых. Авторы многих работ убедительно показывают, что понятия идиолект и идиостиль необходимо соотносить с понятиями “язык” и “стиль”, при этом идиолектом называется “индивидуальный язык, языковые навыки индивидуума в определенный период времени” (В.П. Григорьев 1987: 114), а идиостиль – “то же, что индивидуальный стиль” (В.П. Григорьев 1987: 115).

Для разграничения идиолекта и идиостиля нам представляется целесообразным использовать идею Ю.М. Скребнева о субъязыках и о наличии в любом субъязыке (его можно назвать в рамках нашего ис-

следования идиолектом) трех разновидностей языковых единиц: абсолютно специфических, свойственных лишь данному субъекту; относительно специфических, то есть единиц, которые наряду с данными субъектами принадлежат также одному или нескольким другим субъектам; неспецифических единиц – общих для всех потенциальных субъектов данного языка (Ю.М. Скребнев 1975: 33). Таким образом, в стиль будут входить только абсолютно специфические единицы.

Аналогично под идиостилем нами понимаются абсолютно специфические характеристики, или индивидуальные компоненты авторской языковой системы, определяемые путем сопоставления различных идиолектов. При выделении идиолектных параметров анафонии основное внимание концентрировалось на зоне специфики – на относительно специфических характеристиках, а абсолютно специфические свойства анафонии были рассмотрены как идиостилевые параметры.

Идиолектные и идиостилевые параметры анафонии можно выявить со значительной долей достоверности с учетом позиции конкретной языковой и метаязыковой личности по отношению к звуковым повторам в тексте. Анализ взглядов Н.В. Гоголя, А. Белого и М. Горького на звукопись позволяет высказать предположение о том, что в языковом сознании и подсознании этих языковых личностей сформировались различные установки на звуковую организацию речи.

Взгляды Н.В. Гоголя на звуковую сторону речи можно охарактеризовать как нейтральные. Он превосходно чувствовал магическую силу не только смысловой стороны слова, его семантики, но и его звучания, однако никогда не стремился сознательно использовать какие-либо звуковые эффекты. Его позиция по отношению к звукописи соответствует традиционным взглядам большинства русских писателей.

Андрей Белый относился к звукописи с особым вниманием, поскольку считал звук главным конструктивным элементом текста. Можно говорить о том, что у А. Белого сформировалась ментальная установка на использование звуковых повторов как в поэзии, так и в прозе.

В языковом сознании М. Горького, по нашим наблюдениям, сформировалась установка на ограничение звукописи в прозе, если это не связано с сознательно запланированным эффектом оживления внутренней формы слова.

Учитывая данные установки писателей на звукопись в тексте, мы обратились к рассмотрению идиолектных показателей анафонии в их творчестве.

Рассмотрение количественных (количественных) показателей анафонии в аспекте идиолекта по степени анафоничности, или “озвученности”, прозы (отношению звуковых ассоциатов к общему числу

опорных слов в тексте), по морфологическим и синтаксическим характеристикам анафонических структур приводит к следующим выводам.

Степень анафоничности прозы исследуемых авторов существенно различается: проза А. Белого имеет наивысшую степень “озвученности” (44,5 %), высока степень анафоничности прозы Н.В. Гоголя (34,3 %); у М. Горького, несмотря на его неприятие звукописи, “озвученность” текста весьма заметна (25,6 %). Большая концентрация звуковых повторов в прозе А. Белого вполне закономерна, ибо, как мы отмечали ранее, у А. Белого сформировалась установка на звукопись в тексте. Тот же факт, что анафоничность прозы М. Горького значительно меньше прозы Н.В. Гоголя, а особенно А. Белого, подтверждает отрицательное отношение М. Горького к звуковым сближениям. В целом же следует отметить, что полученные нами результаты – достаточно высокая степень анафоничности прозы М. Горького и Н.В. Гоголя, первый из которых отрицательно относится к звуковым повторам в прозе, а второй не заострял внимание на них, – свидетельствуют о влиянии бессознательного на процесс творчества и об объективной закономерности наличия звуковых повторов в любом тексте.

Квантитативным параметром идиолекта в анафонии является и морфологическая характеристика звуковых ассоциатов. Преобладание среди ассоциатов глаголов, в особенности глаголов речи и мысли, в прозе Горького позволяет высказать предположение о том, что многие его тексты относятся к так называемой прагматической парадигме (Ю.С. Степанов 1998). Значительное преобладание имен существительных среди ассоциатов в прозе А. Белого – вероятный показатель его принадлежности к семантической парадигме, “парадигме имени” (Ю.С. Степанов 1998: 232-235). В прозе Н.В. Гоголя также отмечается преобладание среди ассоциатов существительных, но не такое значительное, как у А. Белого; следует указать и на то, что в первой и второй фазе творчества Гоголя наблюдается почти одинаковое количество глаголов и существительных среди ассоциатов, что согласуется с наблюдением А. Белого о том, что в раннем творчестве Гоголь “глаголен”, а в позднем творчестве тяготеет к семантической парадигме.

Параметром идиолекта в анафонии можно признать и синтаксический аспект анафонии. Как показывает анализ анафонических структур с точки зрения их синтаксической характеристики, в прозе Н.В. Гоголя анафонические структуры обычно сосредоточиваются в одном абзаце; нередко наблюдается синтаксическая связь опорного слова и ассоциата, особенно ассоциативной доминанты, в рамках одного предложения или словосочетания (например, синтаксическая связь слов *старый* и *Тарас* по модели “определение – определяемое слово”). В прозе М. Горького

и А. Белого ассоциаты и опорные слова намного чаще оказываются в разных абзацах. Причем у А. Белого связь абзацев с помощью созвучных слов осуществляется отчетливее; этому способствуют местоположение ассоциата и/или опорного слова в сильной позиции.

Морфологические и синтаксические характеристики звуковых ассоциатов в идиолектах Н.В. Гоголя, А. Белого, М. Горького обнаруживают как общие, так и относительно специфические черты, а потому могут служить объективным параметром идиолекта в анафонии.

В качестве качественного параметра анафонии рассмотрено функционирование “звуковых гнезд”. “Звуковые гнезда” — это скопления звуковых ассоциатов в небольшом контексте. Например: “Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно...” (Н.В. Гоголь “Тарас Бульба”).

Наибольшее количество “звуковых гнезд” зафиксировано в прозе А. Белого, приблизительно одинаковое их количество встретилось в текстах Н.В. Гоголя и М. Горького. Однако у Н.В. Гоголя ассоциаты обычно направлены на одно опорное слово, в то время как у М. Горького они чаще созвучны разным опорным словам, что снижает, по нашему мнению, их воздействие на читателя.

В качестве частной характеристики функционирования “звуковых гнезд” в прозе рассмотрены случаи, когда звуковой повтор сочетается с лексическим повтором.

Если расположить названных писателей по количеству “звуковых гнезд” с лексическим повтором в тексте, то градация будет такая: А. Белый — 141 “звуковое гнездо”, Н.В. Гоголь — 89 “гнезд”, М. Горький — 58 “гнезд”.

Такая конвергенция звуковых повторов с повторами единиц высших уровней способствует “выдвижению” слов со звуковыми повторами, они имеют больше шансов оказаться в “светлом поле” сознания. Эти явления особенно характерны для прозы А. Белого, в несколько меньшей степени — для прозы Н.В. Гоголя и в еще меньшей степени — для прозы М. Горького.

Отметим также, что ассоциаты в “звуковых гнездах” с лексическим повтором в прозе А. Белого и Н.В. Гоголя отличаются от соответствующих в прозе Горького по функции лексического повтора: в прозе Горького функция в основном усилительная, в прозе А. Белого и Н.В. Гоголя — чаще смысловая или усилительно-эмоциональная. Например: “Максим Телятников, сапожник. Хе, сапожник! “Пьян, как сапожник!”, говорит пословица” (Н.В. Гоголь, “Мертвые души”, т. 1). В первом употреблении слово “сапожник” не содержит дополнительных

коннотаций; употребляется в прямом номинативном значении. Затем появляется эмоциональная коннотация (ирония). В третьем употреблении слово приобретает обобщенное значение, становится символом.

Вероятно, большое количество “звуковых гнезд”, сочетающихся с другими видами повторов (лексическим, синтаксическим) в прозе Белого, превышает меру в использовании фонических средств и затрудняет внимание читателя. Это коррелирует с мнением исследователей творчества Белого о том, что его проза трудна для чтения и что нередко совмещение двух субстанций – писателя и ученого – не только дополняло, но и мешало Белому в его творчестве (Н.А. Кожевникова 1992).

Следует подчеркнуть, что анализ “звуковых гнезд” в прозе исследуемых авторов намечает уже идиостилевые параметры анафонии, о чем и говорится во второй главе.

Во второй главе “Идиостилевые аспекты анафонии” объектом внимания оказываются только абсолютно специфические свойства анафонии. Абсолютно специфической характеристикой анафонии, ее идиостилевым параметром, являются ассоциативные доминанты.

Доминанту можно рассматривать как “фокусирующий компонент произведения искусства: доминанта управляет остальными компонентами, определяет и трансформирует их” (Р. Якобсон 1996: 119). Таким образом, доминанта является основным элементом, создающим целостность структуры произведения.

Доминанта определяется и на фонетическом уровне, при анализе анафонии в тексте. Назовем ее вслед за А.В. Пузыревым ассоциативной доминантой. Это – звуковой ассоциат, который отличается наибольшей частотностью, большим звуковым сходством с опорным словом и выражает подтекстовую глубинную информацию. Именно ассоциативная звуковая доминанта является основным структурообразующим и содержательным элементом звуковой организации текста.

Поскольку в качестве языкового основания анафонии выступает ассоциативно-звуковая парадигма языка, в которой выделяется ядро и периферия, ассоциативные доминанты к опорному слову у конкретной языковой личности будут различаться: входить в ядерную часть или в зону периферии. Из общезыковой ассоциативно-звуковой парадигмы каждый автор невольно “выбирает” те звуковые ассоциаты, которые соответствуют характеру изображаемого персонажа, а на глубинном уровне – выражают специфику текста, передают содержательно-подтекстовую информацию. Ассоциативные доминанты позволяют также высветить языковую картину мира конкретной языковой личности на основе выделения важных для нее концептов.

Так, в прозе Н.В. Гоголя ассоциативные доминанты указывают на значимый для него концепт *дороги* и концепт *неопределенности*.

Эти концепты важны в целом для русского языкового сознания. Концепт *дороги* реализуется в творчестве многих авторов XIX века: у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого. Однако для Н.В. Гоголя этот концепт особенно значим, так как он способствует пониманию личности самого Гоголя, на которого, по его собственному признанию, всегда благотворно действовала дорога. *Дорога* для Гоголя – это и путь человека, путь России.

Концепт *дороги* у Гоголя выделяется, в первую очередь, при анализе ассоциативной доминанты *бричка* к ключевому слову *Чичиков* (“Мертвые души”), поскольку в семеме слова *бричка* выделяется ассоциативная сема дороги.

О значимости концепта *дороги* для Гоголя свидетельствует тот факт, что и в других текстах писателя ассоциаты со значением движения оказываются ассоциативными доминантами. Например: Пискарев – карета, каретный (“Невский проспект”), Оксана – санки (“Ночь перед Рождеством”), Дорош – дорога (“Вий”), Невский проспект – пройтись, проходит, прохожих, прогуливались (“Невский проспект”), прогуливается, прохаживается, пронесся (“Нос”), Россия – пространная (“Мертвые души”, т. I, II).

Не менее важен для языкового сознания Гоголя и концепт *неопределенности*. Ассоциаты со значением неопределенности встречаются практически во всех произведениях этого писателя. В частности, к опорному слову *Акакий Акакиевич* в повести “Шинель” ассоциаты с корнем *-как-* в количественном отношении существенно доминируют (85 % от всех созвучных слов).

В прозе А. Белого анализ ассоциативных доминант позволяет выявить значимый для этого писателя концепт *демонизма*. К примеру, в романе “Петербург” ассоциативные доминанты к опорным словам, называющим главных персонажей, могут быть названы символами демонического начала: *Николай Аполлонович* – *палец, халат, холодный*; *Аполлон Аполлонович* – *палец, пальто, холодный*. Подтверждением важности для Белого концепта демонизма служат следующие частотные звуковые ассоциации к именам действующих персонажей: Анна Петровна – *кровь*; Александр Иванович – *странное, пространства*; Липпанченко – *странный, по-странному*; Сергей Сергеевич – *сереют, сероватое*.

Сам контекст жизни и творчества А. Белого делает возможным интерпретировать частотные ассоциаты к опорным словам в его текстах

как свидетельство связи пространств миров видимого и невидимого с акцентом на демоническом начале в языковой картине мира А. Белого.

Индивидуальным концептом М. Горького оказался концепт *разума*.

Подтверждением значимости этого концепта являются доминирующие звуковые ассоциации к опорным словам в произведениях Горького разных периодов творчества.

Среди звуковых ассоциатов в прозе писателя значительную долю занимают репрезентанты семантического поля интеллектуальной деятельности, в частности глаголы речи и мысли.

Так, ассоциативные доминанты к именам главных персонажей произведений Горького следующие: *Фома* – *понимать, внимание, Игнат* – *знать, Яков Тарасович* – *спросил* (“*Фома Гордеев*”); *Клим* – *воскликнул* (“*Жизнь Клима Самгина*”).

К именам других персонажей также встречаются ассоциативные доминанты со значением речи: *Тарас* – *спросил* (“*Фома Гордеев*”); *Варавка* – *говорил, проворчал, Борис* – *крик, крикнул, говорит, Маргарита* – *говорить, Томилин* – *говорил, Спивак* – *слова, разговаривал, Макаров* – *рассказывает, рассказ, скажет, Вера Петровна* – *вопросы, просят, Дронов Иван* – *вопросы, спросит, просит, прозвал, назывался, Катин* – *писатель, рассказ, сказать, Марина* – *говорить, Варвара* – *говорить* (“*Жизнь Клима Самгина*”).

Встречаются и ассоциаты с семой мыслительной деятельности: *Михайло* – *не понимаешь, не знаю, Нехлева* – *знает, вспоминая, Сомо* – *напомнил* (“*Жизнь Клима Самгина*”).

Интересно, что и среди ассоциатов к реально-историческим антропонимам, топонимам, мифемам и т.п. есть звуковые ассоциаты со значением речи, мысли, то есть слова интеллектуальной группы: *Россия* – *рассказывал, спросил, Майн-Рид* – *говорил, Кавказа* – *сказал, Париж* – *заговорил, Самара* – *не понимаю, Савва Мамонтов* – *(не) понимаю, Василий Шуйский* – *говорили, Петра Великого* – *крикнуть, Римский-Корсаков* – *говорил* (“*Жизнь Клима Самгина*”).

Показательно, что многие исследователи истоки специфики художественного мышления Горького ищут в его концепции мира и человека. Недаром и сам писатель не раз высказывал суждения, которые позволяют считать концепт *разума* важным для него.

В заключении подводятся итоги исследования. Подчеркивается, что даже такой фоновый, автоматизированный, по преимуществу, уровень речевой деятельности, как фонетический, способен выявить ментальные доминанты конкретных языковых личностей.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Звуковая организация художественного текста и психология литературного творчества // Художественный текст. Проблемы изучения: Тезисы выступления на совещании (Пенза, май 1990 г.). М., 1990. – С. 36-37.
2. Звукопись А. Белого и М. Горького // Проблемы изучения анаграмм: Межвуз. сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина. М., Пенза, 1995. – С. 115-122.
3. Общество и личность: анафония в художественной прозе // Общество, язык и личность: Материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 23-26 октября 1996 года). В 2-х вып. – Вып. 2. М., 1996. – С. 22-24.
4. Синтаксический аспект анафонии в художественной прозе // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы Школы молодых лингвистов (Пенза, 25-29 марта 1997 г.). В 2-х вып. – Вып. 2. М.; Пенза, 1997. – С. 12-13.
5. Фоника художественной прозы как отражение индивидуально-го образа мира // Языковая семантика и образ мира: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета (7-10 октября 1997 г.). – Книга 2. Казань, 1997. – С. 113-116.
6. Основные постулаты лингвистики и анафония (на материале художественной прозы А.М. Горького, Н.В. Гоголя, А. Белого) // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы Школы молодых лингвистов (Пенза, 24-28 марта 1998 г.). М.; Пенза, 1997. – С. 133-134.
7. Анафония в художественной прозе Н.В. Гоголя, А.М. Горького, А. Белого // Проблемы теории и практики изучения русского языка: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. М.; Пенза, 1998. – С. 76-83.
8. Миф о Петербурге и его отражение в звукописи // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и в школе: Материалы 3-ей Всероссийской Школы молодых лингвистов (Пенза, 23-27 марта 1999 г.). М.; Пенза, 1999. – С. 224-225.
9. Фоника текста и его качество // Надежность и качество. Инновационные технологии производству XXI века / Кн. Докл. Международ. Симпоз., посвящ. 275-летию РАН. Пенза, 1999. – С. 118-121.
10. Идиостилевые характеристики анафонии (на материале художественной прозы Н.В. Гоголя и А.М. Горького) // Предложение и слово: Доклады и сообщения международной научной конференции, посвященной памяти профессора В.С. Юрченко. Саратов, 1999. – С. 266-268.

11. Параметры идиостиля в анафонии // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всероссийской конференции (Пенза, 8-11 декабря 1999 г.). – М.; Пенза. 1999. – С. 137-139.

12. Женское начало в писателе-мужчине // Текст как женщина и Женщина как текст: Материалы рабочего совещания (Москва, Институт языкознания РАН, 5 января 2000 г.) / Под ред. В.Н. Базылева, Ю.А. Сорокина. М., 2000. – С. 24-25.

13. Морфологические особенности звуковых ассоциатов в различных идиолектах // Актуальные проблемы психологии и лингвистики: Материалы 4-ой Всероссийской Школы молодых лингвистов (Пенза, 22-25 марта 2000 г.). М.; Пенза, 2000. – С. 153-155.

14. Фоносемантические аспекты идиолекта // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1-3 июня 2000 г. – М., 2000. – С. 86-87.

